

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470.51)«1918»

С.Л. Бехтерев, Л.Н. Бехтерева
Ижевск, Россия

ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема установления причин и предпосылок повстанческого движения в годы Гражданской войны в России. Цель исследования – преодоление краеведческо-очеркового и субъективно-идеологического восприятия этого феномена и получение достоверных научных знаний о начальном периоде постимперской эпохи, ставшем отправной точкой в формировании советской государственности, коренным образом изменившим социальные отношения в стране и оказавшем заметное влияние на развитие мирового сообщества. На основе историографических результатов предыдущих исследователей, опубликованных и вводимых в научный оборот новых, преимущественно архивных, источников установлено, что наиболее крупными и создающими угрозу военно-политическому руководству советской России летом–осенью 1918 г. оказались вооруженные восстания населения Урало-Поволжья, находившегося в полосе боевых действий Восточного фронта Красной армии. В ходе его наступления к февралю 1919 г. протестное движение под флагом «демократической контрреволюции» было подавлено. Однако предпосылки для сопротивления большевизму сохранялись. Заключительным аккордом Гражданской войны в России стали крестьянские выступления 1919–1922 гг., «сентябрьский заговор» в Ижевско-Воткинском районе (1920 г.), Тамбовский, Западно-Сибирский и Кронштадтский мятежи 1920–1921 гг.

Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения протестных движений, конкретизации официальной позиции политического руководства Российской Федерации по ключевым проблемам отечественной истории и Гражданской войны в частности. Они могут стать документальной доказательной базой для продолжения работы по реабилитации жертв незаконных политических репрессий.

Ключевые слова: повстанческое движение; восток России; Гражданская война; начальный этап; причины; предпосылки; «демократическая контрреволюция».

Сведения об авторах: Сергей Львович Бехтерев¹, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права; Людмила Николаевна Бехтерева², доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора.

Место работы: ¹Удмуртский государственный университет; ²Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН.

Контактная информация: ¹426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1; тел.: 8(951)195-63-68, e-mail: sergbehterev@yandex.ru; ²426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4; тел.: 8(3412)68-26-67, e-mail: behterevaLN@yandex.ru.

Проблема установления причин и предпосылок повстанческого движения Гражданской войны в России относится к важнейшим темам изучения начального периода постимперской эпохи, ставшего отправной точкой в формировании советской государственности, коренным образом изменившим социальные отношения в стране и оказавшего заметное влияние на развитие мирового сообщества.

В связи с этим посылом остро дискуссионным считается содержание понятия «Гражданская война в России». Не углубляясь в историографические детали, отметим, что на сегодняшний день из всего многообразия дефиниций наиболее употребляемым является определение, данное авторским коллективом словаря-справочника по истории России, выпущенного Московским государ-

ственным университетом им. М.В. Ломоносова. В нем Гражданская война характеризуется как «охватившее всю страну вооруженное противоборство всех социально-политических сил, недовольных установившейся после Октябрьской революции 1917 года Советской властью (фактически диктатурой партии большевиков)» (Орлов, Георгиева, Георгиев 2011: 138). Здесь же начальный (первый) этап Гражданской войны трактуется как временной промежуток с января до ноября 1918 г., куда включены такие события, как становление Белого движения, восстание чехословацкого корпуса на Урале и в Сибири, начало интервенции; превращение Советской России в единый «военный лагерь», первые успехи Красной армии на Восточном фронте (Орлов, Георгиева, Георгиев 2011: 139).

Данные формулировки в значительной степени коррелируют с официальной позицией руководства Российской Федерации, изложенной в правительственной Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий: «Россия не может в полной мере стать правовым государством и занять ведущую роль в мировом сообществе, не увековечив память многих своих граждан, ставших жертвами политических репрессий. Особенно важным в этой связи является осознание трагического опыта России, пережитого страной и ее гражданами после октябрьских событий 1917 года, который характеризуется разрывом традиций, утратой преемственности культурного опыта, разрушением межпоколенческих связей. Вследствие репрессий страна пережила масштабные социальные катаклизмы. Помимо колоссальных потерь, понесенных в период Гражданской и Великой Отечественной войн, Россия пережила целый ряд иных трагедий, в числе которых: гонения на представителей религиозных конфессий; послереволюционная эмиграция наиболее образованной части населения, многолетняя дискриминация тех представителей дореволюционной элиты, кто предпочел остаться в России...» (О концепции государственной политики 2015).

Что же касается регионального охвата, то термином «восток России» в контексте Гражданской войны традиционно обозначаются районы Урало-Поволжья, Сибири и Дальнего Востока, входившие в полосу боевых действий Восточного фронта Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), образованного 13 июня 1918 г. постановлением Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР (Восточный фронт 1983: 116). Кроме того, на данных территориях летом–осенью 1918 г. установились всероссийские антибольшевистские правительства: Комитет членов Учредительного собрания (Самара, с 8 июня 1918 г.), Уфимская директория (с 23 сентября 1918 г.) и др. В свою очередь, наиболее масштабным и создающим угрозу для военно-политического руководства РСФСР оказалось вооруженное выступление жителей Прикамья в центре сосредоточения стратегически важных для противоборствующих в годы Гражданской войны в России правительств Ижевского и Воткинского оборонных заводов в августе–ноябре 1918 г., направленное на восстановление в правах распущенного в январе 1918 г. Учредительного собрания как высшего легального и легитимного общенационального органа государственной власти. В то же время оно считается самым крупным восстанием с участием рабочих против режима «диктатуры пролетариата». В научной литературе оно известно как Ижевско-Воткинское восстание 1918 года.

Очень важно учитывать, что столкнувшись с актами протестного движения, советское руководство сразу же попыталось дать им более или менее объективную оценку. Так, в циркулярной телеграмме «Всем губисполкомам, горисполкомам, уездисполкомам» (конец 1918 г.) Нарком внутренних дел РСФСР Г.И. Петровский отмечал, что «в последнее время целый ряд губерний был охвачен восстанием. Еще не закончено расследование событий, но уже с первых шагов следствия выяснилось, что наряду с работой контрреволюционеров одной из причин восстаний была недостаточная тактичность в действиях представителей местной Советской власти, неумелое исполнение ими заданий центра и непонимание характера своей работы. Особенно это обнаружилось при осуществлении декретов о сборе десятиллиардного налога, наложении контрибуций и конфискации, проведении мобилизации, отделении церкви от государства» (ЦГА УР. Ф. Р-204. Оп. 44. Д. 1. Л. 94). Нетрудно заметить, что основную вину за антиправительственные выступления пролетарский центр возложил на советскую периферию.

Говоря о причинах и предпосылках повстанчества, следует принять во внимание их комплексный и межрегиональный характер. Не вдаваясь в подробности анализа социально-экономической и общественно-политической ситуации, отметим наиболее важные факторы, сопутствовавшие восстаниям. Главный из них – это признание легальности и легитимности того или иного правительства, образовавшегося в результате распада Российской империи, а затем Российской Республики. Например, в ноябре 1917 г. Воткинский профсоюз служащих, выражая полное доверие уже низложенному Временному правительству, обратился «с категорическим призывом» в Ставку Верховного главнокомандующего, к фронтовым комитетам, «своим отцам, сынам и братьям, находящимся в армии, принять самые быстрые и решительные меры к подавлению мятежа и тем самым дать возможность собраться Учредительному собранию и спасти родину от анархии» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11247. Л. 101).

Далее, 3 декабря 1917 г. на общем собрании того же Союза служащих в Воткинске жаркие дебаты развернулись по вопросу отчислений в местный Совет рабочих и солдатских депутатов. Высказывались разные мнения: «никому и ничего не давать», «добровольно отчислять», «для чего отчислять, когда эту власть не желают признавать сами солдаты, так как отказываются идти в наряды». После ухода большевиков и части членов с заседания ввиду отсутствия кворума вопрос вообще был снят с повестки (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1.

Д. 11247. Л. 314). При тайном голосовании цехового комитета служащих Управления Воткинского завода 20 декабря 1917 г. за резолюцию № 1 «Вся власть Учредительному собранию» проголосовали 105 человек, а за резолюцию № 2 «Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Советам народных комиссаров» – 13 человек (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11247. Л. 48).

По мере развертывания Гражданской войны, особенно с разгоном 6(19) января 1918 г. Учредительного собрания происходила поляризация политических симпатий. Настроение основной массы населения зависело и от первых шагов советской власти, имевших негативные последствия. Так, активизация политики национализации экономики вызвала массовую безработицу. Переход ссудно-сберегательных касс в руки пролетарского государства резко ухудшил финансовое положение трудящихся, имевших свои накопления. Один из первых исследователей Гражданской войны на Урале И. Подшивалов, отметив, что октябрьский переворот произвел резкие изменения в производственной жизни, выделил комплекс причин, способствовавших, по его мнению, изменению экономической и политической ситуации на предприятиях: удаление хозяев и управляющих, введение 8-часового рабочего дня и, как следствие этого, – их ослабление в отношении организации, сырья, денег; уход с уральских заводов наиболее активных рабочих в связи с мобилизацией для борьбы с атаманом Оренбургского казачества А.И. Дутовым и крестьянскими восстаниями; проявившийся в резкой форме продовольственный голод. «Под влиянием всех этих причин, – заключил автор, – заводы 1918 г. отличаются политической неустойчивостью» (Подшивалов 1925: 106–107). Очевидно, вышесказанное можно отнести и к другим территориям России.

В течение января–апреля 1918 г. происходили роспуск земских и организация советских учреждений. Так, состоявшийся 21–26 февраля того же года Сарапульский уездный съезд Советов крестьянских депутатов постановил упразднить земство и сосредоточить всю власть в руках Совета рабочих и крестьянских депутатов (Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии 1957: 388). 10 марта исполкомом Сарапульского уездного Совета были распущены городская дума и управа Сарапула (Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии 1957: 246). Воткинская волостная земская управа была упразднена 11 апреля 1918 г. решением Воткинского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11241. Л. 248). Как сообщалось в газете «Труженик» от 14 апреля 1918 г., «Советская власть в настоящее время

введена во всех уголках Сарапульского уезда» (Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии 1957: 291). В феврале 1918 г. волостные сходы приняли постановления о конфискации частновладельческих земель и их переделах.

Заключение Брестского мира вызвало недовольство патриотически настроенных граждан. Соответственно, усилилась критика СНК «справа» и «слева». Так, один из лидеров Всероссийского союза эсеров-максималистов (ССРМ) Ф.Я. Светлов по этому поводу писал: «Кровью и ужасом веет от германских условий мира. Принятие этого мира было бы для трудовой России беспримерным кощунством над памятью тех, кто погиб за дело великой трудовой революции, изменой делу социализма, отказом от всех трудовых достижений, полным духовным и материальным порабощением. Этот «мир» обрекает нас на роль политического вассала Германии и на роль ее экономической колонии... Мы не только теряем территорию в несколько сот тысяч квадратных верст с несколькими десятками миллионов культурного населения, – это еще полбеды, мы теряем такую территорию и тем, что утрачиваем надолго возможность экономического возрождения и осуществления трудовых социалистических задач» (Светлов 1918: 1). Последовавшая за этим массовая демобилизация из русской армии, закончившаяся в целом к маю 1918 г., усугубила экономическое и социально-политическое положение.

Одним из первых актов протестного движения стал Ижевский мятеж эсеров-максималистов, перешедших в правительственную оппозицию большевикам, подавленный военно-коммунистическими организациями к 25 апреля 1918 г. (Бехтерев 1997: 64–70). Оппозиция «слева» в лице СССРМ уже весной 1918 г. увидела угрозу «пролетарской революции» со стороны большевиков. Так, в листовке-обращении «К ижевцам» члены местной неонароднической организации отмечали: «... мы видим впереди большевистский кулак, палку, законы, декреты и приказы. Ленин тот же Николай, но с кличкой социалиста. Тем хуже. Николай носил только кличку Кровавого... Он открыто шел против Вас. А Ленин-социалист подходит к Вам с поцелуями “иуды”. Идите за ним... Молитесь за него. Будьте снова рабами... Много лилось крови, лейте еще... и на крови создавайте трон Большевикам» (ЦГА УР. Ф. Р-1082. Оп. 1. Д. 2. Л. 5–6).

Декретом ВЦИК и СНК о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию от 13 мая 1918 г. в подконтрольной большевикам части России была установлена советская «продовольственная диктатура». Центральная газета «Правда» со ссылкой на Петроградское

телеграфное агентство сообщала, что 28 июня в Сарапульском уезде «идет реквизиция кулацкого хлеба. Отношение населения к продовольственным отрядам благожелательное» (Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии 1957: 332). Однако не все было так благополучно. Непосильная продовольственная разверстка в Вятской губернии спровоцировала голод и сопротивление населения продотрядам. Кризис усугубили отмена свободы торговли и реквизиция рабочего скота для РККА. По свидетельству Т. Широких, рядового обывателя сельской округи Ижевского завода (с. Нылги-Жикья Сарапульского уезда), «с приездом в Нылгу Петроградского продовольственного отряда жизнь резко изменилась в худшую сторону.

Продовольственники прекратили свободную торговлю. Закрыли частные лавки. Отменили базары и ярмарки. Вследствие этого началась продажа из-под полы по спекулятивным ценам. Затем взяли на учет весь хлеб и скот. Учет произвели с таким расчетом: ржи 30 фунтов на месяц на человека. Овса 20 фунтов в месяц на лошадь. На коров, овец и свиней до октября не полагалось: могут прожить подножным кормом. Лошадей оставляли одну на домохозяина, коров – на пять человек одну. Свиней, овец более пары, а кур более 10 штук иметь было нельзя. Весь излишек хлеба и скота подлежал реквизиции, по ценам ниже себестоимости. Застонали мужики.

После описи хлеба и скота красные решили приступить к описи холста и одежды. Завыли бабы.

Началось глухое раздражение населения. Большевистский угар начал проходить. Этому много способствовало еще то обстоятельство, что красногвардейцы-продовольственники вели себя крайне дерзко с населением: пьянствовали, оскорбляли женщин и девушек, вытапывали овощи в огородах, портили сады. Нахально требовали от населения масла, яиц, молока и других продуктов. Загоняли лошадей. Резали по ночам телят, овец и домашнюю птицу. Жаловаться на эти безобразия было нельзя: обвинят в ложном доносе, подведут под провокацию с целью подрыва авторитета советской власти. Ну и молчали, плакали и молчали» (ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 383. Л. 144 об.).

Общественно-политическую обстановку осложнили и другие акты советской власти: Декрет ВЦИК о принудительном наборе в РККА (29 мая), Декрет ВЦИК и СНК РСФСР о создании комитетов бедноты как органов диктатуры пролетариата на селе (11 июня) и др. Весной–летом 1918 г. легитимность советской власти оспаривалась повсеместно. Еще 27 мая большинство нового состава депутатов Ижевского Совета высказалось за передачу власти Учредительному собранию. После захвата Самары чехами 7–8 июня,

формирования антисоветского Всероссийского правительства и Народной армии Комуча воткинский рабочий А.В. Смирнов вспоминал, что «указаний ЦК меньшевиков не было, какой политики держаться к означенному выступлению». На одном из собраний было постановлено: «идейную борьбу с большевиками продолжать, по-прежнему доказывая, что они стали на скользкий путь, взяв власть в свои руки, но от массово-вооруженных выступлений воздержаться, указывая, что все эти контрреволюционные выступления (чехословаки и др.) против себя создали сами большевики, взяв власть в свои руки под лозунгом диктатуры пролетариата» (ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 385. Л. 37).

По данным сводки информационно-справочного отдела Уралуправления от 13 июля 1918 г. по Сарапульскому уезду, 19 июня того же года произошел инцидент на Воткинском районном съезде Советов. На голосование был поставлен вопрос о признании советской власти. В течение 5-минутного перерыва 22 делегата, «избегая щекотливого вопроса, сбежали» (ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 1656. Л. 41). В итоге при одном воздержавшемся была принята резолюция в поддержку советской власти. В то же время съезд потребовал отменить хлебную монополию и в особенности карательные экспедиции в деревню, а также единоличную диктатуру на железных дорогах, «как окончательно убивающую транспорт» (ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 1656. Л. 41).

При этом даже те депутаты местных собраний, которые поддерживали власть Советов, выступали против негативных ее проявлений. В данном плане весьма показательна резолюция, принятая в июле 1918 г. Сарапульским съездом крестьянских делегатов. Селяне, поддерживая советскую власть, учет и реквизицию хлеба, решительно потребовали от «Совета Федеративной Республики и V Всероссийского Съезда Советов немедленного упразднения самоличного комиссародержавия» (ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 1656. Л. 42).

Повод к антисоветским выступлениям в каждой местности был разный. Прелюдией Ижевско-Воткинского восстания послужили следующие события. В июле 1918 г. на пристани уездного Сарапула появились первые «баржи смерти» с заложниками – противниками советской власти, что накалило обстановку. 7 июля в Вятке был создан Чрезвычайный военно-революционный штаб (ВРШ). 17–21 июля ижевские организации большевиков и максималистов с опорой на Петроградский отряд разогнали прежний состав Ижевского совета. На состоявшейся 30 июля – 2 августа 1918 г. Второй Вятской губернской конференции РКП(б) делегат

Ижевской организации В.Л. Сергеев докладывал 1 августа: «После разоружения Красной армии наша партия реорганизовалась... Члены партии готовились к аресту Совета. В конце пошли на соглашение с максималистами; работать максималисты согласились при условии освобождения 14... арестованных. Комитет партии их освободил. Петроградский отряд и коммунисты окружили и арестовали часть старого Совета. Все ответственные посты заняли коммунисты» (ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 18). 2 августа в Вятской губернии было объявлено военное положение. 6 августа Народная армия и чехи захватили Казань. В этот же день вся власть в Сарапуле и на Ижевском заводе перешла к ВРШ. Одновременно в Ижевске были арестованы члены организации «Союз фронтовиков».

Как отмечалось в статье «Бой под Ижевском 6–7 ноября 1918 года» под авторством Г. Щура [очевидно, псевдоним. – С.Б., Л.Б.], опубликованной в январе 1919 г. в первом номере журнала «Военная мысль» (органа Революционного военного совета Восточного фронта РККА), непосредственным поводом к восстанию в Ижевско-Воткинском районе послужило нежелание «подчиниться приказу о мобилизации и стать в ряды защитников советской власти» (Щур 1919: 6). Действительно, как свидетельствуют источники, к началу августа 1918 г. резко обострилась обстановка на Восточном фронте. Прикамье оказалось в полосе операций 2-й и 3-й армий РККА. Штаб первой из них, оставив Уфу, эвакуировался в Сарапул и принял решение об усилении крестьянских частей рабочими Ижевска и Воткинска. Для добровольного набора на заводы в конце июля прибыли его представители. Многие рабочие Ижевска приезд членов штаба встретили полувраждебно, смотрели на них как на дезертиров, оставивших без боя Уфу. Члены парткома РКП(б), ссылаясь на активизацию подпольной работы их политических противников, согласились лишь на частичную мобилизацию коммунистов.

«Максималистов мы уломали, – вспоминал А.П. Кучкин, заведующий политотделом 2-й Красной армии. – Они тоже согласились провести мобилизацию» (Урал и Прикамье 1982: 321–323). В комитете РКП(б) представителей штаба предупредили, что большинство рабочих настроены враждебно к коммунистам, идут за максималистами, эсерами, меньшевиками, и толку от вербовки не будет. «За два часа до окончания работ (иначе ни одного не соберешь), – продолжал А.П. Кучкин, – был дан гудок: знак собираться на митинг. У всех ворот были расставлены часовые, не пропускавшие рабочих по домам.

Когда ораторы, надрываясь, заканчивали лозунгами свою речь, в ответ было молчание... Многие выкрикивали: “Не надо было задерживать чехов! Пусть бы ехали на Дальний Восток – тогда бы не было войны! Сами коммунисты виноваты! Идти брат на брата – не дело это!” И совсем-совсем робко, жидко раздавались голоса: “Идти надо на фронт! За бабьими юбками добра не дождемся!...” Наши призывы повисли в воздухе... Кажется, только на одном митинге прошла незначительным большинством резолюция о поддержке Советской власти вообще... На других митингах провалилась и эта резолюция... Побитыми собаками оставляли мы Ижевск» (Урал и Прикамье 1982: 321, 325). Однако накануне Ижевско-Воткинского восстания, в начале августа 1918 г., до 900 добровольцев ушли из Ижевска на Казанский фронт для пополнения 2-й Красной армии.

В целом в ходе наступления Восточного фронта РККА в сентябре 1918 – феврале 1919 гг. советское руководство смогло подавить повстанческое движение, основу которого составила так называемая «демократическая контрреволюция». Между тем сохранялись предпосылки сопротивлению большевизму. Заключительным аккордом Гражданской войны в России стали крестьянские выступления 1919–1922 гг., «сентябрьский заговор» в Ижевско-Воткинском районе (1920 г.), Тамбовский, Западно-Сибирский и Кронштадтский мятежи 1920–1921 гг.

Дальнейшее изучение причин и предпосылок повстанчества в России в эпоху Гражданской войны позволяет преодолеть краеведческо-очерковое и субъективно-идеологическое восприятие этого феномена отечественной истории и получить о нем достоверные научные знания. Требуется углубленный анализ характера, направленности, содержания, состава участников движения, его генезиса и динамики на всех этапах развития: от формирования общественного мнения и распространения соответствующего дискурса до собственно протестного поведения в разных его формах, как мирных, так и вооруженных. Предполагается уточнение территориальных и хронологических рамок, соотношения протестного и позитивного аспектов программы, степени его влияния на общероссийский политический процесс. Самостоятельным исследовательским направлением может стать изучение исторических судеб его участников, в том числе эмигрировавших в страны «дальнего зарубежья». Новые материалы и выводы, сделанные учеными в данном отношении, будут способствовать конкретизации официальной позиции политического руководства Российской Федерации по ключевым проблемам отечественной истории

и Гражданской войны в частности. Они могут стать документальной доказательной базой для дальнейшей работы по реабилитации жертв незаконных политических репрессий.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАКО – Государственный архив Кировской области
ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики
ЦДНИКО – Центр документации новейшей истории Кировской области
ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области

ЛИТЕРАТУРА

- Бехтерев С.Л.* 1997. Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН.
- Восточный фронт. 1983 // Хромов С.С. (гл. ред.). Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия.
- ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 1656.
- О концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий: Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1561-р. 2015. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71064538/> (2015. 15 авг.).
- Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии: Сборник документов и материалов (1917–1918 гг.). 1957 / Емельянов И.П. (гл. ред.). Ижевск: Удмуртское книжное изд-во.
- Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А.* 2011. История России: словарь-справочник. М.: Проспект.
- Подшивалов И.* 1925. Гражданская борьба на Урале 1917–1918. Опыт военно-исторического исследования. М.: Гос. воен. изд-во.
- Светлов Ф.Я.* Германский мир. 1918 // Голос максималиста, орган Ижевской организации ССРМ 4. 18 марта.
- Урал и Прикамье ноябрь 1917 – январь 1919. Документы и материалы. 1982 // Бернштам М.С. (ред.-сост. и авт. коммент.). Исследования Новейшей Русской Истории. Серия «Народное сопротивление коммунизму в России». Париж: YMCA-press.
- ЦГА УР. Ф. Р-204. Оп. 44. Д. 1.
- ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11247.
- ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11241.
- ЦГА УР. Ф. Р-1082. Оп. 1. Д. 2.
- ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7.
- ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 383.
- ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 385.
- Шур Г.* Бой под Ижевском 6–7 ноября 1918 года. 1919 // Военная мысль 1, 6–8.

REFERENCES

- Bekhterev S.L.* Esero-maksimalistское dvizhenie v Udmurtii. [Socialists-Revolutionaries Maximalist movement in Udmurtia]. Izhevsk: Udmurtskij i-t istorii, yazyka i literatury UrO RAN, 1997. (In Russian).
- In: *Grazhdanskaya vojna i voennaya intervenciya v SSSR: Ehnciklopediya*. [Eastern front. Civil war and military intervention in the USSR: Encyclopedia // Khromov S.S. (ed.). Moscow: Sov. ehnciklopediya, 1983. (In Russian).
- State Archive of the Kirov region. Fund 875. Inventory 1. Case 165b. (In Russian).
- О концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий: Распоряжение Правитель'ства Rossijskoj Federacii № 1561-р. [About the concept of state policy to perpetuate the memory of victims of political repressions: Order of the Government of the Russian Federation No. 1561-r.]. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71064538/>. (Accessed on 2015, 15 Aug.). (In Russian).
- Oktyabr'skaya socialisticheskaya revolyuciya v Udmurtii: Sb. dokumentov i materialov (1917–1918 gg.) [The October Socialist Revolution in Udmurtia: Collection of documents and materials (1917–1918) / Chief ed. Emelyanov I.P.]. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izd-vo, 1957. (In Russian).
- Orlov A.S., Georgieva N.G., Georgiev V.A.* Istoriya Rossii: slovar'-spravochnik. [History of Russia: reference dictionary]. Moscow: Prospect, 2011. (In Russian).
- Podshivalov I.* Grazhdanskaya bor'ba na Urale 1917–1918. Opyt voenno-istoricheskogo issledovaniya. [Civil strife in the Urals 1917–1918. Experience in military history research]. Moscow: Gos. voen. izd-vo, 1925. (In Russian).
- Svetlov F.Ya.* In: *Golos maksimalista* [Voice of the maximalist]. No.4. March 18. 1918. (In Russian).
- Narodnoe soprotivlenie kommunizmu v Rossii. Ural i Prikam'e, noyabr' 1917 — yanvar' 1919: Dokumenty i materialy [Popular resistance to communism in Russia. Urals and Prikamye, November 1917- January 1919: Docu-

ments and materials/ Editor, compiler and auth. of comments Bernshtam M.S.]. Paris: YMCA-press, 1982. (In Russian).

Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund R-204. Inventory 44. Case 1. (In Russian).

Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 212. Inventory 1. Case 11247. (In Russian).

Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 212. Inventory 1. Case 11241. (In Russian).

Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund R-1082. Inventory 1. Case 2. (In Russian).

Documentation Center of the modern history of Kirov region. Fund 1. Inventory 1. Case 7. (In Russian).

Documentation Center of public organizations of the Sverdlovsk region. Fund 41. Inventory 2. Case 383. (In Russian).

Documentation Center of public organizations of the Sverdlovsk region. Fund 41. Inventory 2. Case 385. (In Russian).

Shchur G. In: *Voennaya mysl'* [Military Thought]. No.1 (1919): 6–8. (In Russian).

S.L. Bekherev, L.N. Bekhereva
Izhevsk, Russia

INSURRECTIONARY MOVEMENT IN EASTERN RUSSIA AT THE INITIAL PHASE OF THE CIVIL WAR: REASONS AND PRECONDITIONS

Abstract. The paper deals with the problem of establishing the reasons and preconditions for the insurrectionary movement during the Russian Civil War. The aim of the study is to overcome regional, subjective and ideological perception of this phenomenon and obtain reliable scientific knowledge about the first period of the post-imperial era, which became the starting point for the Soviet statehood formation, radically changed social relations in the country and had an impact on the development of international community.

Based on the historiographic findings obtained by other researchers and recent mainly archival sources published and introduced into the scientific circulation, it was stated that in the summer and autumn of 1918 armed uprisings of the Ural-Volga population in the Eastern combat zone of the Red Army were the largest and most dangerous for the military and political leaders of Soviet Russia. By February 1919, the protest movement under the banner of “democratic counter-revolution” was suppressed during the offensive of the Front. However, preconditions to resist bolshevism still remained. The peasant uprisings of 1919–1922, “September plot” in the Izhevsk-Votkinsk district (1920), the Tambov, West Siberian and Kronstadt rebellions of 1920–1921 were the finishing stroke of the Russian Civil War.

The results of the study may be used for further study of protest movements as well as to specify the official position of the political leaders of the Russian Federation on key issues of national history and the Civil War, in particular. They may constitute a documentary evidential basis for the continuation of work on the rehabilitation of victims of illegal political repressions.

Key words: insurrectionary movement; east of Russia; Civil War; first stage; reasons; preconditions; “Democratic counter-revolution”.

About the authors: Sergey Lvovich Bekhterev¹, Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Theory and History of State and Law; Lyudmila Nikolaevna Bekhtereva², Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Deputy Director.

Place of employment: ¹Udmurt State University; ²Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Бехтерев С.Л., Бехтерева Л.Н. Повстанческое движение на востоке России на начальном этапе Гражданской войны: причины и предпосылки // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2018. № 4. С. 3–9.

Bekherev S.L., Bekhereva L.N. Insurrectionary Movement in Eastern Russia at the Initial Phase of the Civil War: Reasons and Preconditions// Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 4. P. 3–9.
